

Глотов С.А.¹, Губин А.Н.¹, Слепко Г.Е.², Губин М.А.³

¹ Международный юридический институт, г. Москва, Россия

² Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

³ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г.Елец, Россия

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕАЭС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В настоящей статье авторы проводят компаративный анализ перечней охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, в странах ЕАЭС и самом ЕАЭС, а также в двухсторонних договорах государств – участников СНГ и ЕАЭС.

Отмечается, что система охраняемых объектов интеллектуальной собственности Российской Федерации может быть дополнена категориями «инновационный патент» (республика Казахстан) и «научное открытие» (республика Украина).

Авторы также обращают внимание на некоторые особенности в использовании соответствующей терминологии и на правовые коллизии в установлении круга субъектов интеллектуальных прав, в регулировании и механизме защиты этих прав, свойственные современному российскому гражданскому праву, в части его взаимодействия и взаимовлияния с соответствующими нормативными правовыми актами ЕАЭС, в том числе, актами системы таможенно-тарифного регулирования, а также на отдельные возможности его унификации.

Ключевые слова

Интеллектуальная собственность; исключительные права; надгосударственное право; Евразийский экономический союз; Договор о Евразийском экономическом союзе.

Glotov S.A.¹, Gubin A.N.¹, Slepko G.E.², Gubin M.A.³

¹ International Law Institute, Moscow, Russia

² Military University of the Defense Ministry of the RF, Moscow, Russia

³ Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

APPLIED PROBLEMS OF OPTIMIZING THE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE EEU AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In the present article, the authors have carried out a comparative analysis of the lists of protected results of intellectual activity in the Russian Federation, in the countries of the EAEU, as well as in bilateral agreements of the CIS and EAEU participating states.

It is noted that the system of protected objects of intellectual property of the Russian Federation can be supplemented by such categories as "innovative patent" (the Republic of Kazakhstan) and "scientific discovery" (the Republic of Ukraine).

The authors also draw attention to some peculiarities in the use of the appropriate terminology and to judicial contradictions in establishing the range of subjects of intellectual property rights, in the regulation and mechanism for protection of these rights of the current Russian civil law, in its interaction and mutual influence with relevant regulatory legal acts of the EAEC, including acts of the system of customs and tariffs regulation, as well as to selected opportunities for its unification.

Keywords

Intellectual property; exclusive right; Eurasian economic union; Agreement on the Eurasian economic union.

Введение

В настоящее время, хотя в Частях III и IV Гражданского кодекса РФ законодатель и предусматривает ряд специальных правил, посвященных регулированию отношений по поводу интеллектуальной собственности, осложненных иностранным элементом, такого регулирования не достаточно для обеспечения защиты прав и законных интересов авторов и правообладателей, особенно в условиях глобализации, процессы которой отражают «пути научно-технического и социального развития и обычно приносят позитивные результаты, содействуя совместному ускоренному развитию государств» [1: 131].

В праве ЕАЭС как формы наднационального корпуса правовых норм формируется и такая подотрасль, как право интеллектуальной собственности, без которого сегодня не могут существовать и развиваться промышленность, внешняя и внутренняя торговля. В соответствии с разделом XXIII Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС), который регулирует отношения в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности [1: 143].

Цель исследования

Изучение основ регулирования понятия, установления круга результатов интеллектуальной деятельности и признаков их охраноспособности, а также механизма охраны и защиты прав и законных интересов правообладателей в российском законодательстве и актах ЕАЭС.

Основная часть

В ст. 2 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности указано, что «под объектами интеллектуальной собственности понимаются произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин (компьютерные программы), фонограммы, исполнения, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, наименования мест происхождения товаров, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также другие объекты интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с международными договорами,

международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов», что коррелирует с положениями ст. 1225 ГК РФ. При этом, также как и во внутреннем российском праве подчеркивается, что результаты творческой деятельности человека охраняются в правовом поле, только если они указаны в законе или международном договоре в качестве результата интеллектуальной деятельности. Следовательно, если в результате творческого труда человека будут созданы новые виды объектов, включающие интеллектуальные характеристики как имманентные, то для обеспечения им правовой охраны необходимо будет внести соответствующие изменения в законодательство об интеллектуальной собственности.

Следует также указать, что некоторые виды объектов интеллектуальной собственности как элементы «развиваемых и внедряемых в оборот высокотехнологических и наукоёмких систем» [3, 4] на данный момент не имеют точного места в парадигме результатов интеллектуальной деятельности: ноу-хау, единая технология и пр. Например, топологии интегральной микросхемы вообще не охраняются российскими институтами авторского и патентного права, а входят в группу так называемых «других / иных РИД» [3: 4]. При этом, программы для электронно-вычислительных машин (компьютерные программы), включая исходный текст и объектный код, охраняются как литературные произведения в российском праве (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) и в соответствии с Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., хотя в чистом виде и не являются результатом художественного творчества.

В ч. 1 ст. 90 Договора о Евразийском экономическом союзе устанавливается, что в части правового режима объектов интеллектуальной собственности лицам одного государства-члена ЕАЭС на территории другого государства-члена ЕАЭС предоставляется национальный режим, причём за государствами-членами признаётся право закреплять специальные нормы в регулировании отношений по поводу интеллектуальной собственности, осложнённых иностранным элементом, не ухудшая их правового положения в сравнении с актами ЕАЭС. Нормативная база в сфере интеллектуальной собственности состоит не только из актов ЕАЭС, но и двухсторонних соглашений конкретных его государств-членов в указанной сфере, которые должны быть сгармонизированы как с внутренним

законодательством государств-членов, так и с правовой базой самого ЕАЭС, в том числе и в сфере таможенного регулирования перемещения объектов интеллектуальной собственности по территории и через границы государств-членов. При этом, такое регулирование, основанное на положениях Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, должно обеспечивать соблюдение баланса как частноправовых интересов отдельных граждан и юридических лиц (как правило, как собственников и пользователей вещей, в которых имеются элементы, охраняемые в качестве интеллектуальных прав), так и публичных интересов государств, в первую очередь – фискальных, а также в части противодействия параллельному импорту и обороту контрафактных товаров [5].

Необходимо отметить, что при установлении ограничений на параллельный импорт за основу в разделе V «Принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза» (п. 16) Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности» положен принцип интернациональности исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза [6]: если на территории государства-члена ЕАЭС товар введен в оборот с согласия правообладателя, то данный товар считается законно находящимся в гражданском обороте при его реализации впоследствии в любом государстве-члене и для его дальнейшего оборота на его территории не потребуется дополнительного согласия правообладателя.

В названном Протоколе (Приложение № 26 к Договору) обращается внимание на то, что: «авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства. Автору произведения принадлежат, в частности, следующие права:

- 1) исключительное право на произведение;
- 2) право авторства;
- 3) право на имя;
- 4) право на неприкосновенность произведения;
- 5) право на обнародование произведения;
- 6) иные права, установленные законодательством государств-членов».

Государства-члены ЕАЭС обязаны обеспечить соблюдение сроков охраны исключительного права на произведение автора, исключительного права на произведение, созданное в соавторстве,

исключительного права на произведение, обнародованное после смерти автора, которые не должны быть ниже сроков, установленных Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (в действующей редакции) и Соглашением Всемирной торговой организации по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г. При этом, государства-члены могут в своём законодательстве закрепить большие сроки охраны указанных прав, поскольку последнее улучшает правовое положение авторов и правообладателей в сфере интеллектуальных прав и их оборота, что в полной мере соответствует Разделу XXIII «Интеллектуальная собственность» в целом и ч. 2 ст. 90 Договора о Евразийском экономическом союзе, в частности.

В отношении кинематографических произведений государства-члены устанавливают право правообладателей разрешать или запрещать публичный коммерческий прокат оригиналов или копий их произведений, охраняемых авторским правом, на территориях других государств-членов.

Смежные с авторскими права (включая имущественные и личные неимущественные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы и иные права, установленные законодательством государств-членов) также защищаются как внутренними актами государств-членов ЕАЭС, так и положениями соответствующего Протокола. Так, исполнителем признается физическое лицо, творческим трудом которого создано исполнение, – артист-исполнитель (актёр, певец, музыкант, танцор или другое лицо, которое играет роль, читает, декламирует, поёт, играет на музыкальном инструменте или иным образом участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества, в том числе эстрадного, циркового или кукольного номера), а также режиссёр-постановщик спектакля (лицо, осуществившее постановку театрального, циркового, кукольного, эстрадного или иного театрально-зрелищного представления) и дирижёр. На взаимной основе государства-члены предоставляют исполнителям следующие права: исключительное право на исполнение; право на имя – право на указание своего имени или псевдонима на экземплярах фонограммы и в иных случаях использования исполнения, право на указание наименования коллектива исполнителей, кроме случаев, когда характер использования исполнения исключает возможность указания имени исполнителя или

наименования коллектива исполнителей.

Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности регулирует и отношения в области товарных знаков и знаков обслуживания, который закрепляет права правообладателей товарного знака (он имеет исключительное право использовать товарный знак), устанавливает срок действия первоначальной регистрации товарного знака (составляет 10 лет), осуществляет регистрацию товарного знака самого ЕАЭС и знака обслуживания Союза и уточняет наименование места происхождения товара (Разделы III-VIII Протокола). Товарным знаком и знаком обслуживания (согласно п. 11 Протокола) является обозначение, охраняемое в соответствии с законодательством государства-члена и международными договорами, участниками которых являются государства-члены, и служащее для индивидуализации товаров и (или) услуг одних участников гражданского оборота от товаров и (или) услуг других участников гражданского оборота.

Положения указанных Разделов в значительной степени соответствуют национальному регулированию государств-членов, дополнительно устанавливая правовые режимы товарных знаков Евразийского экономического союза и знаков обслуживания Евразийского экономического союза и наименования места происхождения товара Евразийского экономического союза, которые действуют в отношении товаров, работ и услуг, созданных (оказываемых) на территории ЕАЭС, а также уточняя принцип исчерпания исключительного права на отдельные объекты интеллектуальных прав в части прав на товарный знак, товарный знак Союза. В рамках названного Протокола принимается Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза, положения которого направлены на предоставление одновременной правовой охраны товарным знакам Союза и наименованиям мест происхождения товаров Союза во всех государствах-членах, а также упрощение и ускорение процедур регистрации и, что весьма важно для бизнеса, устранение избыточных административных барьеров, которые мешают унификации правового регулирования на всей территории Единого экономического пространства и, более того, создают избыточную экономическую и организационно-техническую нагрузку на оборот товаров, работ и услуг.

В отношении патентных прав Протокол (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС) установил,

что минимальные сроки действия исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец: 1) не менее 20 лет – для изобретений; 2) не менее 5 лет – для полезных моделей; 3) не менее 5 лет – для промышленных образцов.

Следует отметить, что согласно п. 1 ст. 1363 ГК РФ срок действия исключительного права на полезную модель составляет 10 лет, что вполне согласуется с положениями Протокола и интересами правообладателей и пользователей. Согласно ст. 1002 ГК Республики Беларусь (далее – ГК РБ) патент на изобретение действует в течение 20 лет, на полезную модель – в течение 5 лет с возможным продлением этого срока не более чем на три года, на промышленный образец – в течение 10 лет с возможным продлением этого срока не более чем на пять лет.

Таким образом, сроки действия исключительных прав на указанные объекты могут отличаться в государствах-членах ЕАЭС и иных государствах – бывших союзных республик СССР. Так, срок действия исключительного права на промышленный образец согласно п. 5 ст. 465 ГК Украины составляет 15 лет. Аналогично установлен срок действия патента на промышленный образец и п. 5 ч. 1 ст. 999 ГК Республики Казахстан. В то же время гл. 56 ГК Кыргызской Республики (далее – ГК КР) «Право на промышленную собственность (право на изобретение, полезную модель, промышленный образец» вообще не содержит указаний на конкретный срок защиты исключительных прав на указанные объекты; общая же норма п. 1 ст. 1045 ГК КР устанавливает, что «исключительное право на объекты интеллектуальной собственности действуют в течение срока, предусмотренного настоящим Кодексом или другими законами», и может быть прекращено досрочно вследствие его неиспользования в определенный период (п. 3); п. 2 указанной статьи закрепляет, что личные неимущественные права на такие объекты действуют бессрочно. Положения п. 2 и 3 ст. 1045 ГК КР согласуются с положениями Гражданских кодексов большинства государств – членов ЕАЭС (например, п. 2 ст. 969 ГК Республики Казахстан, п. 2 ст. 988 ГК Республики Беларусь) и бывших республик СССР (п. 1 ст. 425 ГК Украины, но с оговоркой «если другое не установлено законом»), что говорит о сохранении единого подхода к регулированию рассматриваемых правоотношений и преемственности в формировании нормативно-правовой базы ЕАЭС.

Однако, при наличии единого подхода государства – члены ЕАЭС имеют в своём интеллектуальном законодательстве и

самобытные нормы. Так, п. 1 ст. 991 ГК Республики Казахстан (далее – ГК РК) устанавливается, что «права на изобретение охраняются инновационным патентом или патентом», причем патент на изобретение действует в течение 20 лет (п. 1 ч. 1 ст. 999), а инновационный патент на изобретение – в течение трех лет с возможным продлением этого срока патентным органом, но не более чем на два года (п. 1 ч. 1 ст. 999). Российскому праву интеллектуальной собственности понятие «инновационный патент» не известно. Представляется, что подход законодателя Республики Казахстан более соответствует целям ускорения защиты вновь созданного объекта интеллектуальной собственности и повышению его оборотоспособности в ЕАЭС, а также заявленной им цели по поддержке научного и инновационного развития общества.

Считаем необходимым отметить и единичность положения украинского законодательства об интеллектуальной собственности, которое в отличие от российского, казахского и иных, вводит понятие «научное открытие», включая его в состав объектов права интеллектуальной собственности (п. 1 ст. 420 ГК Украины) и определяя его как «установление неизвестных раньше, но объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, которые вносят коренные изменения в уровень научного познания» (п. 1 ст. 457). Законодатели Российской Федерации и Кыргызской Республики используют термин «произведение науки», никак его не дефинируя, и относят его (произведение науки) к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности (ч. 1 п. 1 ст. 1225 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 1037 ГК КР), в частности – к объектам авторских права (п. 1 ст. 1255 ГК РФ, абз. 2 ст. 1048 ГК КР). При этом, ГК КР относит учебные и научные произведения к литературным без учёта их отраслевой специфики (там же). И хотя положения о научном открытии в ГК Украины весьма кратки и не подробны: гл. 38 «Право интеллектуальной собственности на научное открытие» включает всего две статьи – рассмотренную 457 и 458 «Право на научное открытие» (которое включает право автора предоставить научному открытию свое имя или специальное название и которое удостоверяется дипломом и охраняется в порядке, установленном законом) – стоит отметить, что данный подход является определённым шагом на пути дальнейшей разработки доктрины и совершенствования законодательства об интеллектуальной собственности, защите прав

авторов (создателей интеллектуального продукта), введению их в гражданский оборот. По нашему мнению, подобные положения должны быть включены и в российское законодательство, и в нормативно-правовую базу ЕАЭС.

Следует отметить, в Разделе IX «Патентные права» Протокола (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС) отсутствует упоминание о праве патентообладателя на лекарственное средство (пестицид, ядохимикат) обратиться в уполномоченный орган с заявлением об увеличении срока действия патента на данное лекарственное средство (пестицид, ядохимикат) ещё на пять лет (п. 27 Приложения № 26 к Договору о ЕАЭС), которое имеется в российском и белорусском праве и которое даёт разработчику и производителю такой продукции возможность вернуть вложенные в её разработку, испытания и сертификацию средства (п. 2 ст. 1363 ГК РФ, ч. 1 п. 1 ст. 1002 ГК РБ).

Также авторами [7] указывается на противоречие норм Протокола и норм Гражданского кодекса РФ (а также и других государств-членов ЕАЭС) в части субъектов патентных прав. Так, п. 25 Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности) устанавливает, что, как и право авторства, исключительное право на изобретение, полезную модель, промышленный образец принадлежит автору изобретения, полезной модели или промышленного образца. Однако, национальное законодательство государств – членов ЕАЭС закрепляет исключительное право не за автором, а за патентообладателем (п. 1 ст. 1358 ГК РФ, ст.ст. 1088-1091 ГК КР, п. 1 ст. 992 ГК РК). Считаем, что в этой части п. 25 Приложения должен быть приведен в соответствии с актами национального законодательства государств – членов ЕАЭС, поскольку он неправомерно сужает круг лиц, которые могут реализовывать права, вытекающие из патента на изобретения, полезную модель, промышленный образец.

Согласно п. 29 Приложения № 26 к Договору о ЕАЭС государства-члены вправе предусматривать ограничение прав, предоставляемых патентом, при условии, что такие исключения не наносят неоправданный ущерб обычному использованию изобретений, полезных моделей или промышленных образцов и не ущемляют необоснованным образом законные интересы патентообладателя, учитывая законные интересы третьих лиц. В числе которых, как правило, вступают

потребители товаров, работ и услуг, связанных с конкретным патентом. Причем, нарушение прав третьих лиц может выступать как в повышении цен продукт, который содержит в себе объект, защищаемый патентом, так и ограничением его территориальной распространённости и, следовательно, доступности для потребителя. В свете этого, необходимо отметить высокую степень взаимозависимости между правом интеллектуальной собственности и правами потребителей: после поступления изобретения, полезной модели и промышленного образца в общий доступ его доступность увеличивается, а себестоимость производства и цена для потребителя, соответственно, снижается.

Наряду с указанными вопросами в Протоколе об интеллектуальной собственности решаются и иные: права на селекционные достижения (Раздел X), права на топологии интегральных микросхем (далее – ТИМС) (Раздел XI), права на секрет производства (правовой режим ноу-хау) (Раздел XII):

- охрана прав на сорта растений и породы животных осуществляется в случаях и порядке, установленных законодательством государств-членов (срок действия такого интеллектуального права не менее 25 лет);
- права интеллектуальной собственности на топологию интегральной микросхемы (т.е. зафиксированное на материальном носителе пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними) охраняются в соответствии с законодательством государств-членов. Так, в Российской Федерации данные права регулируются гл. 74 ГК РФ, а срок действия исключительного права на ТИМС составляет 10 лет (п. 1 ст. 1457 ГК РФ);
- секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного

доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны (п. 39 Протокола). Как и права на ТИМС, права на секрет производства охраняется в соответствии с законодательством государств-членов (п. 40 Протокола).

В Российской Федерации данные права регулируются гл. 75 ГК РФ, а срок действия исключительного права на секрет производства распространяется на весь период сохранения конфиденциальности сведений, составляющих его содержание, т.е. бессрочно (ст. 1467 ГК РФ). В законодательстве Кыргызской Республики и Республики Казахстан наряду с термином «секрет производства» используется более общий термин «нераскрытая информация» (п. 1 ч. 1 ст. 961, гл. 55 ГК РК, абз. 8 п. 1 ст. 1037, гл. 58 ГК КР), под которой понимается техническая, организационная или коммерческая информация, не известная третьим лицам (п. 1 ст. 1017 ГК РК, абз. 1 ст. 1101 ГК КР). Её правовой режим и охрана, а также защита прав и законных интересов правообладателей аналогичны российским.

В отношении секрета производства (ноу-хау) в двухсторонних соглашениях государств – членов ЕАЭС также используется термин «деловая конфиденциальная информация» (п. 2 Приложения 2 к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Минск, 2011 г.) и др.), которая охраняется как объект интеллектуальной собственности.

Основные результаты

Таким образом, охрана интеллектуальной собственности, защита прав и законных интересов авторов и правообладателей в государствах-членах ЕАЭС имеет единую правовую базу, и в трансграничной торговле товарами, работами и услугами её следует рассматривать как одно из направлений политического и научно-технического сотрудничества, поскольку итогом такой защиты должно стать развитие и рационализация межгосударственных интеграционных тенденций, увеличение товарооборота между государствами и насыщение национальных рынков государств-членов ЕАЭС, повышение конкурентоспособности производимой на их территории продукции, а также средством

укрепления региональной экономической стабильности [8, 9].

Заключение

Итак, можно отметить, что основные параметры регулирования отношений по поводу понятия, установления круга результатов интеллектуальной деятельности и признаков их охраноспособности, а также закрепление охраны и защиты прав и законных интересов правообладателей в российском законодательстве и актах ЕАЭС не содержат сущностных противоречий и в то же время учитывают особенности национального законодательства, хотя и имеются некоторые противоречия в наднациональном правовом

поле ЕАЭС и национальных законодательств государств-членов, которые, несомненно, должны быть устранены. Государства-члены ЕАЭС координируют своё законодательство в вопросах защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в соответствии с международным договором в рамках Союза, а также в соответствии с заключёнными ими двухсторонними соглашениями.

Благодарности

Авторы выражают благодарность доктору юридических наук, профессору Глотову Сергею Александровичу.

Литература

1. Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2.
2. Глотов С.А., Григорьев И.А., Губин А.Н., Лычагин А.Г., Савёлов О.П., Терентий Л.М. Право Евразийского экономического союза: теория и практика: монография / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова. — М.: Московская международная академия; Кубанский государственный аграрный университет; Галлея-принт, 2016. — 304 с.
3. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Интеллектуальные права на интеллектуальные системы: вопросы возникновения и защиты // XV Всероссийская научная конференция «Нейрокомпьютеры и их применение». Тезисы докладов. — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. — С. 260.
4. Легович Ю.С., Рожнов А.В., Руженцев И.О. Интеллектуальные права и их защита при разработке прорывных технологий и компонентов гибридных интеллектуальных и интеллектуализированных систем // XV Всероссийская научная конференция «Нейрокомпьютеры и их применение». Тезисы докладов. — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. — С. 49-50.
5. Важенин Л.В., Приезжий А.В., Слепко Г.Е. О проблеме ограничения права собственности при нарушении таможенного законодательства Российской Федерации // Таможенные чтения — 2009. Болонский процесс и подготовка таможенных кадров: вызовы времени: Сб. материалов межвуз. научно-практ. конференции. — СПб.: СПб им. В.Б.Бобкова филиал РТА, 2009. — С. 297-304.
6. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Защита интеллектуальных прав таможенными органами: понятие контрафактного товара // Таможенные чтения — 2010. Россия и ВТО: непростой диалог: Сб. материалов межвуз. научно-практ. конференции с международным участием. — СПб.: СПб им. В.Б.Бобкова филиал РТА, 2010. — С. 377-385.
7. Тюнин М.В. Интеллектуальная собственность в Евразийском экономическом союзе // СПС КонсультантПлюс. 2014.
8. Шугуров М.В. Охрана и защита прав ИС по двусторонним соглашениям государств — членов ЕАЭС в научно-технической сфере // ИС. Промышленная собственность. 2016. № 8. С. 61-72.
9. Каширкина А.А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 160-171.

References

1. Chirkin V.E. Nadracional'noe pravo: osnovnye osobennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 2.
2. Glotov S.A., Grigor'ev I.A., Gubin A.N., Lychagin A.G., Savjolov O.P., Terentij L.M. Pravo Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: teorija i praktika: monografija / Pod red. d.ju.n., prof. S.A. Glotova. — M.: Moskovskaja mezhdunarodnaja akademija; Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet; Galleja-print, 2016. — 304 s.
3. Slepko G.E., Strazhevich Ju.N. Intellektual'nye prava na intellektual'nye sistemy: voprosy voznikovenija i zashhity // XV Vserossijskaja nauchnaja konferencija «Nejrokomp'jutery i ih primenenie». Tezisy dokladov. — M.: FGBOU VO MGPPU, 2017. — S. 260.
4. Legovich Ju.S., Rozhnov A.V., Ruzhencev I.O. Intellektual'nye prava i ih zashhita pri razrabotke proryvnyh tehnologij i komponentov gibridnyh intellektual'nyh i intellektualizirovannyh sistem // XV Vserossijskaja nauchnaja konferencija «Nejrokomp'jutery i ih primenenie». Tezisy dokladov. — M.: FGBOU VO MGPPU, 2017. — S. 49-50.
5. Vazhenin L.V., Priezzhij A.V., Slepko G.E. O probleme ogranichenija prava sobstvennosti pri narushenii tamozhennogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Tamozhennye chtenija — 2009. Bolonskij process i podgotovka tamozhennyh kadrov: vyzovy vremeni: Sb. materialov mezhvuz. nauchno-prakt. konferencii. — SPb.: SPb im. V.B. Bobkova filial RТА, 2009. — S. 297-304.
6. Slepko G.E., Strazhevich Ju.N. Zashhita intellektual'nyh prav tamozhennymi organami: ponjatje kontrafaktnogo tovara // Tamozhennye chtenija — 2010. Rossija i VTO: neprostoj dialog: Sb. materialov mezhvuz. nauchno-prakt. konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. — SPb.: SPb im. V.B. Bobkova filial RТА, 2010. — S. 377-385.
7. Tjunin M.V. Intellektual'naja sobstvennost' v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze // SPS Konsul'tantPljus. 2014.
8. Shugurov M.V. Ohrana i zashhita prav IS po dvuhstoronnim soglashenijam gosudarstv — chlenov EAJeS v nauchno-tehnicheskoj sfere // IS. Promyshlennaja sobstvennost'. 2016. № 8. S. 61-72.
9. Kashirina A.A. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: rasshirenie granic i pravovaja real'nost' // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 11. S. 160-171.

Поступила: 30.09.2017

Об авторах:

Глотов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Международный юридический институт,

glotov_rgsu@mail.ru

Губин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Международный юридический институт, gubinalex@yandex.ru

Слепко Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Военный университет Министерства обороны РФ, sge7@mail.ru

Губин Михаил Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры математического моделирования и компьютерных технологий, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, gubinma@yandex.ru

Note on the authors:

Glotov Sergej A., doctor of law sciences, Full Professor, Professor of the chair theory of law and state-legal disciplines, International Law Institute, glotov_rgsu@mail.ru

Gubin Aleksey N., candidate of historical sciences, associated professor of the chair theory of law and state-legal disciplines, International Law Institute, gubinalex@yandex.ru

Slepko Galina E., candidate of philological sciences, associated professor, assistant professor of the chair of Civil Law, Military University of the Defense Ministry of the RF, sge7@mail.ru

Gubin Mihail A., candidate of political Sciences, associate Professor, Department of mathematical modeling and computer technologies, Bunin Yelets State University, gubinma@yandex.ru